

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ

ДОМ, КОТОРЫЙ БУДЕТ ЖДАТЬ
КНИГА 2

Александра Шервинская

**Дом, который будет
ждать. Книга 2**

«Автор»

2024

Шервинская А.

Дом, который будет ждать. Книга 2 / А. Шервинская — «Автор», 2024

Человек ко всему привыкает: вот и Кристина постепенно свыклась с тем, что попала в чужой, очень странный, а порой и страшный мир. Дом принял её как Хозяйку, но в древнем Франгайском лесу есть силы, которые считают, что время старых богов ушло, и хотят захватить власть, не гнушаясь самым чёрным колдовством. Кристине, в которой все узнают пропавшую принцессу Элизабет, придётся сделать очень непростой выбор: остаться сторонним наблюдателем и принять свою судьбу, надеясь на милость победителя, или принять вызов и вступить в борьбу за власть. Призраки, странные существа, населяющие лес, охотники за древними артефактами — никто не сможет остаться в стороне. Дружба, любовь, предательство, интриги — всё это придётся пережить героям второй части трилогии «Дом, который будет ждать».

© Шервинская А., 2024

© Автор, 2024

Александра Шервинская

Дом, который будет ждать. Книга 2

Пролог

Дом оживал. Он ощущал себя, словно безнадежно больной, которому вдруг каким-то чудесным образом досталась доза спасительного препарата. Она прогнала уже распахнувшее вечно голодную пасть небытие, робко и неуверенно предлагая принять мысль о том, что жизнь продолжается. Ему, уже стоявшему на пороге, за которым начинается жуткое ледяное «ничто», дали ещё один шанс. И он готов был абсолютно на всё, зубами и когтями вцепившись в возможность выжить. Он верил: ошибки можно исправить, прощение можно вымолить – нужно лишь захотеть.

Дом оживал. Он снова, после трёхсот лет мрачного одиночества и постепенного ожидания смерти, был не один, и от одной мысли об этом его пронзал трепет непередаваемого блаженства. Она вернулась, она поняла свою ошибку и снова пришла: она осознала, что причинила ему страшную боль, но он никогда ни словом, ни взглядом не упрекнёт её за это! Он чувствовал исходящее от неё живительное тепло, невидимыми нитями проникающее в каждый его уголок, мгновенно впитываемое досками пола и стен. Ему хотелось пить эту жизнь большими жадными глотками, задыхаясь и всхлипывая от невыносимого наслаждения, но он сдерживал себя из страха хоть чем-то навредить той, которая дала ему шанс вернуться.

Дом оживал. Старые раны, скрытые сейчас искусной иллюзией, уже начали затягиваться, значит, пройдет совсем немного времени, не больше года, и он сможет сбросить маскировку и предстать перед ней во всей своей мощи и красоте. И она полюбит его, полюбит с той же страстью и нежностью, которые он испытывает к ней. Он обязательно увидит в глазах цвета весеннего неба любовь, понимание и прощение. Осталось совсем немного, ведь каждая минута, проведенная с ней, возвращает ему былые силы, мощь и величие.

Дом оживал. И уже знал, какой подарок он сделает ей в честь своего окончательного возрождения. Он подарит ей Франгай, весь, полностью. Он бросит к её ногам всё могущество самого древнего места силы, возведёт её на трон, одарит властью, равной которой не знал никто. Все императоры подлунного мира, эти ничтожные человечки, в которых если и есть что-то ценное, то это их сладкая горячая кровь, склонятся перед ней, перед его Королевой.

Дом оживал. Будоражащие древнюю магию фантазии проносились перед ним, соблазняя, маня и рисуя восхитительные картины. Если ей нужно, чтобы рядом с ней было его человеческое воплощение, он не станет противиться. Он окружит её собой, закутает в себя, в свою любовь, и ей не будет одиноко. Любой её каприз, любое желание – закон для него. Он знал, что для скорейшего восстановления ему мало её живительной силы: ему нужна кровь, много, очень много крови. Но этот смешной мальчишка, которого нельзя было убивать, сделал так, что кровь будет. За это ему можно оставить его совершенно никчемную жизнь.

Дом оживал. Мрачные, восхитительные в своей грандиозности планы рождались в его чёрном тысячелетнем сердце. И он знал, что никогда больше не останется один, потому что не позволит ей повторить ошибку: он уже однажды умирал, и ему не понравилось. Поэтому она никогда больше не покинет его, ведь он сделает всё, чтобы она была счастлива. Он уничтожит любого, кто посмеет вмешаться в её жизнь. Она вернулась навсегда. Его Лиз. Только здесь. Только с ним. Навечно.

Дом оживал.

Глава 1

Лиз

Я сидела на террасе и молча смотрела на то, как очередной порыв внезапно поднявшегося ветра старается согнуть хотя бы вершины вековых елей, окружающих территорию, которая теперь стала моим единственным домом на совершенно неопределённый срок. Ветер выл и стонал, ели сопротивлялись и злобно хлестали его могучими ветвями, после чего он на мгновение затихал, чтобы тут же наброситься на колючих великанов с другой стороны. Это противостояние было бесконечным: и ветер, и ели знали, что победителя не будет, но продолжали войну, завораживающую своей абсурдностью.

Ключья и ленты тумана, скрывающего зловещую Франгайскую чашу, в центре которой я оказалась волей судьбы и, видимо, ещё каких-то загадочных сил, сплелись в очередной замысловатый клубок, и ветер, на секунду отвлёкшись от сражения с елями, швырнул его в сторону моего дома.

Я замороженно следила, как туман пытался пробиться ко мне, но неизбежно наткнулся на невидимую преграду, которая жалила его синими искорками, точно такого цвета, как глаза Домиана. Туманный клубок, обиженно разлохматившись, улетел куда-то в чашу, где, насколько я успела понять, шла своя, достаточно активная жизнь.

Не успела я подумать об обитателях Франгайя, как тут же получила доказательство того, что жизнь там таки да – есть. Возле периметра прямо напротив террасы, на которой я сидела с выключенным светом, на той стороне непроходимого болота – вотчины Хантера – появились два оранжевых огонька, подозрительно напоминающих чьи-то глаза. Вот только находились они на высоте нескольких метров от земли, что давало определённый простор воображению: либо ночной гость ростом метра три как минимум, либо он передвигается по деревьям, либо вообще не ходит, а летает. Ни один из вариантов энтузиазма у меня не вызвал.

Я, не желая двигаться и привлекать к своей персоне нездоровое внимание, сняла скромное колечко с ярко-синим камешком и позволила своим эмоциям: опасению, беспокойству и тревоге – выплеснуться наружу. Затем колечко вернулось на своё место, так как остальные мои чувства и переживания пока только мои. Но и этого мгновения оказалось достаточно: на террасе появился встревоженный Домиан.

– Что случилось, Лиз? Кто тебя напугал? – в его голосе было столько неподдельной нежности и обеспокоенности, что я в очередной раз подумала о том, что там, в прежней жизни, никто и никогда так ко мне не относился. Может быть, заезженная фраза о том, что всё, что ни делается – к лучшему, не так уж и банальна?

– Там глаза, – негромко ответила я, хотя прекрасно понимала, что наш ночной гость вряд ли обладает настолько тонким слухом, чтобы расслышать. Но, с другой стороны, я что – много знаю об обитателях Франгайя? Вот именно...

Домиан проследил за моим взглядом и хмыкнул. Судя по его реакции, никакой особой угрозы ночной наблюдатель не представлял, но я всё же решила уточнить:

– Кто это? И почему глаза так высоко – он такой большой?

– Это орбур, он не очень опасный, но ужасно любопытный. Наверняка, узнав о том, что вернулась Хозяйка, он пришёл посмотреть на тебя. Не бойся, Лиз. Во-первых, он никогда не решится побеспокоить тебя без приглашения, а во-вторых, он, скорее, разведчик, а не гость. Теперь он расскажет остальным заинтересованным лицам то, что успел рассмотреть.

– А чем он питается? – не успокаивалась я. – Мало ли, может, это он для тебя не опасный, а для меня – очень даже.

– Лиз, – с мягким упрёком проговорил Домиан, – ты уверена, что тебе нужны эти подробности? Ну хорошо... Людьюми он не питается. Этого достаточно?

– Не уверена, – я по-прежнему не могла успокоиться, – знаешь, в контексте Франгайского леса «не очень опасный» звучит примерно так: сожрёт, но быстро и безболезненно. Ибо вегетарианцы, как мне кажется, здесь не выживают. Я права?

– Конечно, – улыбнулся Домиан, – хотя те, кто питается растительной пищей, разумеется, тоже есть: хищникам же нужна еда. Но повторю ещё и ещё: тебе нечего опасаться, Лиз. Франгай – твой дом.

– Нужно как-то постараться привыкнуть к этой мысли, – я задумчиво посмотрела на темнеющий за периметром лес, на оранжевые глаза, – хотя мне и не очень просто принять всё это. Но, знаешь, я не чувствую себя здесь чужой, и это очень-очень странно.

– Ничего странного, – мягко улыбнулся Домиан, – ты здесь выросла, прожила много лет. Как же это место может казаться тебе чужим? И Лиз... я хотел тебя спросить...

Неуверенность в голосе Домиана и насторожила, и заинтриговала: до этой минуты он никогда ни о чём серьёзном меня не спрашивал. Я с готовностью кивнула и устроилась в кресле поудобнее.

– Скажи... там, за Гранью, остался кто-нибудь, кто тебе дорог? Друг, любимый... муж? – на последнем слове голос Домиана дрогнул. – Или, может быть, ребёнок?

Я внимательно посмотрела на него и поняла, что это не прازдное любопытство: для Домиана действительно важен мой ответ. Сердце привычно отозвалось застарелой болью, но я настолько привыкла к ней за эти годы, что почти не обратила внимания.

– Нет, у меня там никого не осталось, – я невидящим взглядом смотрела в лес, но перед глазами были не огромные деревья и не туманные спирали, а искажённое презрительной гримасой лицо единственного мужчины, которого я любила. Этот миг, когда врач элитного перинатального центра сообщила нам, что мы не сможем иметь детей из-за обнаруженного у меня редкого заболевания, останется в моей памяти навсегда, даже если мне суждены тысячелетия. Мужу был нужен наследник, которого я никогда не смогла бы ему дать, поэтому после оглашения медицинского приговора меня в рекордно короткие сроки выставили и из дома, и из жизни. Это было больше десяти лет назад, и с тех пор я поумнела, ещё раз сходила замуж, набралась жизненного опыта и поняла, что на расставании с человеком, даже любимым, ничего не заканчивается. Но мужчин старалась в свою жизнь больше не впускать, опасаясь снова пережить то, что пережить почти невозможно.

Сил пересказывать всё это не было, поэтому я молча сняла кольцо и ненадолго впустила Домиана в свою память, словно прокручивая перед ним фильм о своей не слишком счастливой прошлой жизни. Потом, сморгнув всё же выступившие слёзы, надела кольцо, отсекая своего синеглазого няня от той жизни, в которую я вряд ли когда-нибудь вернусь.

Домиан молчал и только в синих глазах ярко сверкали нездешние искры. Через пару минут он встряхнулся и, повернувшись ко мне, совершенно серьёзно спросил:

– Хочешь, я приму его облик? А ты меня убьёшь? Мне ты вреда не причинишь, но, может быть, это заберёт часть твоей боли?

– В каком смысле – «убьёшь»? – оторопела я, пытаюсь осмыслить такое, мягко говоря, нетривиальное предложение.

– В самом обычном, – пожал плечами Домиан, – можешь ножом, можешь отравить, можешь застрелить – я найду для тебя любое оружие... Поверь мне: когда твой враг умирает, с ним исчезает и почти вся боль, которую он тебе причинил. Я не могу убить его сам – он слишком далеко, к сожалению. Но я, ни на секунду не задумываясь, стёр бы его с поверхности вашего мира.

– За что? – я всплеснула руками. – Тебе же он ничего не сделал!

– Мне – нет, – глаза Домиана вспыхнули и тут же погасли, – но он причинил боль тебе. Этого вполне достаточно для того, чтобы он перестал существовать.

– Как ты можешь так легко говорить о смерти, об убийстве? – я искренне не понимала. – Это же ужасно...

– Что ужасного в том, чтобы уничтожить того, в чьём существовании нет смысла? – с таким же недоумением спросил Домиан. – Он посмел обидеть тебя, значит, ему нет места среди живых. Так всегда было, и так всегда будет. Любой, кто обидит тебя, умрёт.

Я вспомнила девушку-призрака, с опаской покосилась на Домиана, но благоразумно воздержалась от вопросов, так как не была уверена, что готова услышать любой ответ.

Что-то подсказывало мне, что нужно быть очень осторожной и тщательно просчитывать и взвешивать каждый шаг, иначе мои... мужчины... могут решить, что домашний арест – это прекрасный способ обезопасить меня от мира, а мир – от меня.

Мы с Домианом продолжали коситься друг на друга, обдумывая аргументы, когда на террасе появился Хантер. Я удивилась, так как он обычно старался не покидать территории сада и болота, а значит, произошло что-то, в чём задействована и я, иначе он просто передал бы мысли Домиану. Ну или как там оно у них происходит – я даже пытаться понять не буду, всё равно не смогу.

– Лиз, там пришли сфаргиры, ты можешь с ними поговорить? – Хантер тепло улыбнулся, и я не смогла сдержать ответной улыбки. – Что им сказать? Или ты устала? Они могут прийти завтра.

– А кто такие сфаргиры? – тихонько спросила я, глядя на Домиана и Хантера. – Не забывайте, я совершенно не разбираюсь в местной флоре и особенно в фауне. Это животные? Или кто? В моём мире существ с таким названием нет.

– Это не фауна, – усмехнулся Хантер, явно позабавленный моей неосведомлённостью, – и уж тем более не флора. Сфаргиры – существа, которые следят за жизнью Франгая, это его, если хочешь, счетоводы и летописцы. Именно они знают, сколько, например, на сегодняшний день в лесу шиил, сколько детёнышей появилось в гнёздах сарисс, есть ли безумцы, надеющиеся незамеченными проскользнуть к центру чащи в поисках редких артефактов. Всё это сфаргиры наговаривают на кристаллы, которые хранятся веками.

– И что, их, эти кристаллы, можно посмотреть... в смысле – прочитать? – у меня дух захватило от возможности прикоснуться к прошлому этого таинственного места, ставшего моим домом, и даже, может быть, узнать что-нибудь о своём пребывании здесь. – Это реально?!

– Наверное, – Хантер и Домиан переглянулись, – если, конечно, ты договоришься со сфаргирами. У нас над ними власти нет. Ну так что мне им ответить?

– Конечно, я поговорю с ними, – я бодро выбралась из кресла, – не зря же они шли. Если я откажу, это будет невежливо, ведь правда?

– Им по большому счёту всё равно, – пожал плечами Домиан, – такие человеческие категории, как вежливость, обида или благодарность им абсолютно чужды. Как, впрочем, и большинству обитателей Франгая. Они беспристрастны во всём. А к тебе пришли так быстро просто потому, что твоё появление открывает новую страницу в жизни великого Франгайского леса, и сфаргирам хочется получить стартовую информацию, так сказать, из первых рук.

– Но я же сама ничего не знаю, – огорчённо опустила я обратно в кресло, – я не то что поделиться информацией не смогу, я даже близко не представляю, что могу рассказать из того, что может показаться им интересным. Вы же со мной будете? – я с надеждой взглянула на Домиана, и тот успокаивающе кивнул.

Я глубоко вздохнула, поднялась и вышла на крыльцо, спиной ощущая молчаливую поддержку Домиана и Хантера. Сначала я никого не увидела и хотела уже спросить, не ушли ли загадочные сфаргиры, не дождавшись, как вдруг от болота, черневшего возле линии периметра, отделились три невысоких фигурки. Я пыталась рассмотреть их, но они как-то странно расплывались, и я даже украдкой потёрла глаза, стараясь сфокусировать зрение.

Они плавно проплыли над землёй, едва касаясь травы, и остановились напротив крыльца, не приближаясь, однако, к нему. Откуда-то пришло понимание, что я должна подойти к ним, пройдя свою половину пути. Этакое дипломатическое расшаркивание в отдельно взятом дворе

посреди векового жуткого леса. Я в очередной раз вздохнула и отправилась на свои первые переговоры в роли новой Хозяйки Дома. Почему-то я знала, что в сознании местных жителей он звучит именно так – Дом, с большой буквы.

Раз-два-три-четыре... привычно отсчитали ступеньки, и я снова вспомнила девушку-призрака, решив в обязательном порядке внимательнейшим образом изучить все фотографии на стенах вдоль лестницы. Но это – завтра.

Я подошла к неподвижно замершим фигуркам, которые оказались ростом мне примерно по пояс, и вежливо произнесла:

– Здравствуйте, уважаемые...

И лишь потом подумала, что вряд ли они говорят по-русски, так что вся надежда на то, что здешняя магия (ух, как легко я стала кидаться такими словами) поможет нам преодолеть межмировой языковой барьер.

– Тёмной ночи, Хозяйка, – внезапно прошелестело у меня в голове, и я от неожиданности подпрыгнула и спиной уткнулась в Домиана, – ты совсем не изменилась.

Вспомнив то, что говорил о наших ночных гостях Домиан, я поняла, что это не комплимент, а просто констатация факта, ещё раз подтверждающая, что я действительно жила здесь. Попробую это принять. Нет, не понять – а именно просто принять как данность, не анализируя и не объясняя.

– И вам тёмной ночи, уважаемые, – негромко ответила я, не понимая до конца, как именно нужно разговаривать с загадочными сфаргирами: вслух, про себя или ещё каким-то замысловатым способом, – я благодарна вам за визит. Чем могу служить хранителям истории Франгая?

Слова сами ложились на язык, как будто кто-то живущий внутри меня прекрасно знал и помнил, что и как нужно делать, а я лишь повторяла. Это было странно, но человек – существо психологически гибкое, ко всему может привыкнуть. К тому же я всей спиной чувствовала поддержку и тепло Домиана и Хантера и, пожалуй, впервые в жизни поняла, как это здорово, когда есть надёжный тыл.

– Ты вернулась, Хозяйка, – прошептал сфаргир, стоявший немного впереди, видимо, главный, – и мы хотели узнать, что нового принесёт Франгаю твоё возвращение?

– Да я даже не знаю, – я растерянно оглянулась на Домиана, – я пока мало что вспомнила, поэтому плохо ориентируюсь в местных реалиях.

– Хозяйка примет всех, кто придёт засвидетельствовать своё почтение и уважение, – негромко, но как-то очень внушительно проговорил вдруг Хантер, – можете передать всем.

– А те, кто не придёт? – прошелестел сфаргир. – Что будет с ними?

– Они не смогут рассчитывать на лояльность Хозяйки и Дома, – жёстко и холодно ответил Хантер, – их существование будет только их делом. Мы не станем ни мешать, ни помогать.

– Мы слышали, – тень кивнула глубоким капюшоном, – а что будет с теми, кто нарушит границы Франгая?

– Если он доберётся до периметра и сможет пересечь его, – вступил в разговор Домиан, – то он станет гостем Хозяйки и сможет переночевать под крышей Дома. Его дальнейшую судьбу может определить только она.

– Вижу, ты хочешь о чём-то спросить, Хозяйка? – обратился ко мне другой сфаргир. – Говори...

– Я хотела узнать, – неуверенно начала я, но, видя спокойствие своих защитников и невозмутимость сфаргиров, осмелела, – я многое забыла за время своего отсутствия. Возможно ли увидеть записи кристаллов памяти за те годы, когда я жила здесь?

– Можно, – кивнула тень, но слова восторга замерли на моих губах, когда сфаргир продолжил, – но всё имеет свою цену, Хозяйка.

– И какой же будет ваша цена? – чуть более холодно, чем раньше, осведомила я, но сфаргир совершенно не отреагировал на изменение моего тона – прав был Домиан, судя по всему, им чужды привычные для нас эмоции.

– Мы скажем, когда придёт время, – сфаргир снова замерцал и слегка отдалился, – тёмной ночи, Хозяйка, мы слышали тебя.

С этими словами три мерцающих существа неуловимо переместились к болоту и словно растворились в ночном мраке: как их и не было... Я повернулась к Домиану и Хантеру и успела заметить их быстрое переглядывание. Вот интересно: по идее, они – одно существо, следовательно, могут обмениваться мыслями без слов. Зачем им тогда эти переглядывания – для меня, что ли? Или человеческий облик, который они принимают по моей просьбе, как-то влияет и на поведение? Нет, об этом я подумаю когда-нибудь потом, сейчас и без этого есть, о чём беспокоиться.

– О какой плате говорил сфаргир? – спросила я у Домиана. – У меня вроде как ничего и нет. А мои юридические и экономические знания вряд ли могут служить эквивалентом денег в лесу, верно?

– Верно, – усмехнулся Домиан, – во Франгае действует одна-единственная валюта: чья-то жизнь, ну или хотя бы кровь. А лучше всего – и то, и другое. Лиз, пойми: отношение Франгая к тебе обусловлено тем, что ты Хозяйка, он это почувствовал, как только ты появилась. Поэтому ты так спокойно прошла по тропинке, нашла нору и смогла спрятаться от гехрума...

Ага, значит, тот монстр, который принимался к цветочкам, росшим на нашей с корнегрызом чудесной норе, – это некий гехрум. Вот это «хрум» в названии навевает какие-то не слишком приятные ассоциации. Тут я вспомнила изломанную высокую фигуру, которую разглядела тогда в сумраке, и поняла – таки да, хрум, как есть хрум.

– То есть за знания о своём прошлом я должна буду заплатить чьей-то кровью или жизнью? – уточнила я, глядя на Домиана. – Мне кажется, я не готова и вряд ли когда-нибудь смогу это сделать.

– Значит, тебе придётся обойтись этих без знаний, – философски пожал плечами Хантер, – сфаргиры не меняют своих решений. Но не расстраивайся, Лиз, среди тех, кто будет просить у тебя убежища, наверняка найдутся существа, которых тебе будет не жалко. И тогда сфаргиры дадут тебе кристаллы.

– Наверное, я когда-нибудь смогу привыкнуть к тому, с какой лёгкостью здесь все относятся к чужой жизни, но пока я не готова расплатиться за знания чьей-то кровью. Брр... даже произносить жутко.

Домиан с Хантером посмотрели на меня, как на маленькую капризную девочку, но ничего не сказали (спасибо им большое!), и лишь змей похлопал меня по плечу. Как трактовать этот жест, я так и не поняла, если честно, но решила не усугублять и так непростую для меня ситуацию.

Глава 2

Каспер

В марево порталного окна мы с Максимилианом шагнули молча, да и во время пути возможности поговорить у нас просто не было: один из сторожей Кристины – или Лиз, как они все её называли, – перекинувшийся в огромную змею, неотлучно сопровождал нас. Точнее – конвоировал, так будет более правильно: у нас просто не было возможности ни переброситься словом, ни шагнуть в сторону. При малейшей попытке сбиться с шага или открыть рот этот монстр злобно шипел, демонстрируя немаленькие такие клыки, на кончиках которых поблёскивали капельки яда. Полагаю – смертельного. Экспериментировать с попытками использовать традиционную магию в этом гиблом месте я даже не думал: себе дороже будет.

Максимилиан шёл, глядя куда-то перед собой и практически не обращая внимания на происходящее вокруг, не слушая раздающихся из кустов тяжёлых вздохов, полных сожаления,

мол, так много еды – и вся мимо. Но, видимо, наш конвоир пользовался в этом чокнутом лесу немалым авторитетом, так как дальше сопения, клаясь зубами и пристальных голодных взглядов в спину дело не зашло. Нам позволили добраться до портальной колонны и практически пинком отправили восвояси.

Выйдя из портала в императорском кабинете, показавшемся после зловещего Франгая просто центром умиротворения и покоя, я посмотрел на Максимилиана, ожидая его распоряжений. А в том, что они последуют немедленно, я практически не сомневался.

– Отложи все свои дела, – император развернулся ко мне, и его глаза опасно вспыхнули багровыми искрами, – сейчас для тебя нет ничего важнее, чем этот вопрос, ты меня понял, Каспер? Ничего! Ты полностью сосредоточишься на этом деле, так как, во-первых, я не хочу никого больше посвящать в историю внезапного появления у меня сестрицы, а во-вторых, ты там уже был и эти существа к тебе худо-бедно привыкли, да и... Лиз... тебя знает. Нет, это немыслимо!

Император от души пнул ногой ни в чём не повинное кресло, и крылья чёрной тенью мелькнули у него за спиной, показывая всю степень гнева.

– Ты уверен, что она – твоя сестра? – осторожно спросил я, понимая, что ступаю по хрупкому льду. Ничто не может помешать Максимилиану прийти к выводу, что даже один свидетель – это многовато. А с другой стороны – ему нужен кто-то, кто будет поддерживать связь с неожиданно обретенной родственницей.

– В том-то и дело, что уверен, – Максимилиан внезапно успокоился и сел в кресло, сделав мне знак, что я тоже могу опустить свою тушку на что-нибудь удобное, – я почувствовал в ней нашу кровь, да и мой демон её не просто признал, а, можно сказать, взял над ней шефство, как бы дико это ни звучало. Поэтому примем как данность, что эта странная женщина – моя сестра Лиз. Но это совершенно не значит, что мы можем позволить этой... хмм... родственнице вести свою игру. Её сюда никто не звал, и я, как ты понимаешь, без неё жил гораздо спокойнее. Не мне тебе рассказывать, что стоит некоторым узнать о том, что появился второй представитель императорской семьи, да ещё такой, которым легко управлять, как тут же начнутся плестись такие интриги, которых нам вовек не распутать. Мне это точно не надо. Поэтому пусть сидит в своём лесу, а мы будем ненавязчиво её контролировать.

– Скажи, что ты почувствовал, когда увидел этих мужчин? Домиана, Освальда и Хантера? Что они такое? Я могу предположить, но ты гораздо лучше меня разбираешься в подобных сущностях, – я решил, что немного лести никогда ещё никому не вредило, особенно императору.

– Это энергетические сущности, – видно было, что Максимилиан благосклонно воспринял мой дипломатический ход, – это материальное воплощение духа Дома. Они приняли такой вид, чтобы Лиз было проще с ними общаться.

– Что они могут? Мне показалось, что они достаточно сильны, – я поморщился, вспомнив презрительный синий взгляд и пренебрежительное «колдун», – или это сила Франгая? Как ты считаешь?

– Они очень, очень могущественны, – задумчиво постукивая кончиками пальцев по подлокотнику, проговорил Максимилиан, – и это не сила леса: они были там задолго до того, как птицы принесли туда первое еловое семечко. Они – самая древняя на данный момент сила в нашем мире, и это меня беспокоит. Думаю, ты понимаешь – почему.

– Догадываюсь, – осторожно сказал я, понимая, что не стоит озвучивать все свои соображения, ибо слишком умные долго не живут, – они не на нашей стороне... пока.

– За что я ценю тебя, Каспер, – улыбнулся одними губами император, изучающе глядя на меня холодными глазами, – так это за умение вовремя остановиться и не умничать. Сейчас ты отправишься в тюрьму...

Я замер и почти перестал дышать: значит, всё-таки где-то просчитался, не промолчал или, наоборот, не высказался. Досадно, демоны всё побори!

– Отправишься в тюрьму, – с удовольствием глядя на мои попытки удержать лицо, повторил император, – и выберешь несколько человек. Да выдохни уже, Касси, ты так забавно пугаешься, что я не удержался... Так вот, ты выберешь несколько мужчин разного возраста. Критериев должно быть три: он должен быть хорош собой, должен быть сильным и неглупым, и его должно быть не жалко.

– Объяснишь? – коротко уточнил я, понимая, что император задумал какую-то игру. – Или работать «втёмную»?

– Нам нужен свой человек возле Лиз, который будет наблюдать за ней и передавать сведения нам. Тебя туда не отправить, – тут я перевёл дух, так как похоронить себя в лесу мне не улыбалось совершенно, – тебя почему-то невзлюбил Дом. Но он согласился принимать тех, кто будет нуждаться в помощи.

– Верно ли я понимаю, что должен найти среди тех, кому уже не повезло оказаться в тюрьме, того, кто сможет добраться от портала до дома и при этом не пойти на корм местному зверинцу? – я прикидывал возможные варианты и с восхищением понимал, что Максимилиан не зря уже столько лет удерживает власть, предугадывая ходы Совета и вовремя устраняя потенциальную угрозу. Найдя подходящего человека, мы попробуем внедрить его в окружение Лиз, обеспечив себя постоянным источником достоверной информации. А как её, эту информацию, передавать и получать – это уже вопрос исключительно технический.

– Подбери человек пять, не больше, – продолжил отдавать распоряжения император, – если этих не хватит, поищешь ещё: насколько я знаю, в тюрьме нет нехватки материала. И начни с камер для знати – нам вряд ли подойдёт пастух или лесоруб. Лиз, как бы это ни было неприятно, всё же императорской крови, и попавший в беду дворянин имеет больше шансов получить её расположение.

Я поклонился и, зная манеру Максимилиана проверять, как быстро и качественно выполняются его распоряжения, не откладывая, отправился в столичную тюрьму.

Это стоящее на окраине мрачное здание всегда навевало на меня какую-то совершенно иррациональную звериную тоску. Его неприступные тёмно-серые стены словно делили жизнь попавшего сюда человека на две части: «до» и «теперь». Оптимистичного варианта «после» тут не предусматривалось, ибо тот, кто оказывался здесь в качестве заключённого, никогда больше на свободу не выходил. Узники просто исчезали из жизни остального мира, как рисунок на песке, смытый волнами равнодушного моря: только что был – и вот уже и следа не осталось. По мне – лучше смерть, чем безысходное существование в этом каменном мешке в мучительном ожидании неизбежной смерти.

Медленно проходя по коридорам третьего подземного этажа, я через специальные окошечки в дверях рассматривал узников, большинство из которых оказалось в тюрьме из-за того или иного конфликта с властью, то есть – с Максимилианом, так как власть – это император, а император – это власть. Те, кто забывал об этом, очень быстро получали бессрочный вид на жительство в камерах третьего этажа.

Отобрав пять человек, я велел коменданту тюрьмы предоставить мне кабинет для разговора с каждым кандидатом. Я должен был убедиться, что эти люди мне подходят. Заключённые покорно отвечали на вопросы, но, когда комендант по моей просьбе озвучивал странное предложение, некоторые, как ни странно, выбирали подобие жизни в тюрьме, а не посещение знаменитого Франгайского леса.

В итоге я остановил свой выбор на пяти кандидатах, как и предлагал император, причём каждый из них полностью соответствовал тем требованиям, которые были мне озвучены. Осталось посмотреть, кто из них справится с поручением и, соответственно, оправдает своё избавление от медленной смерти в каменной камере без окон.

Завтра я планировал отправить первого из отобранных смертников, сына какого-то заштатного барона, который из-за собственной глупости и любви к риску ввязался в авантюру с контрабандой. Парень был хорош какой-то, на мой взгляд, излишне слащавой красотой, но женщины – странный народ, так что поклонниц у него было множество. Кроме того, он был неплохо образован, а уж историй всевозможных знал совершенно немыслимое количество. Так что если ему повезёт – Лиз гарантировано развлечение на несколько недель, это точно.

Когда отмытого и подстриженного баронета привели ко мне для инструктажа, я даже проникся к нему определённой симпатией, так как, несмотря на сиропную внешность, держался парень очень неплохо.

– Я магистр Каспер Даргеро, – сдержанно сказал я, – назови себя.

– Баронет Реджинальд фон Рествуд, – парень изящно поклонился, но без угодливости и с определённым достоинством, которое умудрился сохранить даже через несколько месяцев заключения, – это вам я обязан своим освобождением? Благодарю вас, магистр.

– Тебе объяснили задачу? – не обратив внимания на благодарность, холодно спросил я. – У тебя ещё есть возможность отказаться.

– Отказаться? – узник широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами. – Да ни за что на свете! Даже если я погибну, то как мужчина, а не как застрявшая за шкафом крыса.

– Похвально, – я кивнул, жестом предлагая ему присесть, – тем более, что вероятность погибнуть достаточно высока, не обольщайся. Франгайский лес – это не место для увеселительных прогулок, думаю, ты это знаешь не хуже меня.

– Всегда мечтал побывать, – сообщил баронет, опускаясь в кресло, – говорят, там чего только нет, если знать, где искать.

– Что ты слышал об артефакте под названием Око Тьмы? – я решил, что не стоит ходить вокруг да около: раньше начнём – раньше закончим. Тем более, что совершенно не факт, что уже первая попытка окажется удачной.

– Ого! – баронет откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на меня. – Неужели речь идёт о самом мощном артефакте всех времён?

– Я спросил, что ты о нём знаешь? – я добавил в голос льда, и мой собеседник тут же уловил это. – Меня не интересуют твои догадки: только известные тебе факты.

– Око Тьмы – сильнейший артефакт, способный подчинить себе практически все остальные тёмные источники силы, – чётко, как школяр на экзамене ответил баронет, а я подумал, что он ведь, наверное, не так давно был беззаботным студизусом, пока не решил, что умеет играть во взрослые игры.

– Совершенно верно, – кивнул я и продолжил, – по слухам, Око Тьмы спрятано в сердце Франгайского леса, но никто точно не знает, где именно. Ты пойдёшь туда и сделаешь несколько вылазок. Проверишь места, о которых я тебе потом скажу. После этого вернёшься и расскажешь. Понятно?

– Не всё, – спокойно ответил баронет, задумчиво постукивая пальцами по колену, – вы прекрасно понимаете, что я не переживу даже одной ночи в Франгайской чаше, если хотя бы треть из того, что о ней рассказывают, – правда. Значит, у вас есть какой-то вариант решения этой небольшой проблемы. Я прав?

– Прав, – не стал спорить я, невольно проникаясь к баронету смешанными чувствами. С одной стороны, его спокойствие и манера держаться свободно, но без угодливости, вызвала симпатию. А с другой – я не был уверен, что он, оказавшись на свободе, не затеет снова свою собственную игру, – неподалёку от порталной колонны есть скромный охотничий домик, в котором живёт... небольшая семья. Как правило, они не отказывают путникам, попросившим убежища на ночь. Думаю, и тебе они тоже предоставят приют.

– Охотничий домик? – баронет удивлённо посмотрел на меня. – А на кого там охотиться-то? Насколько я слышал, местные звери сами на кого хочешь успешно поохотятся.

– Это твои проблемы, – равнодушно пожал плечами я, – захочешь жить – разберёшься. Хозяйку дома зовут Элизабет, Лиз... Приютить тебя или нет – решает именно она. Так что ты, если доберёшься до этого убежища, уж постарайся ей понравиться.

– Хозяйка? – на лице Реджинальда мелькнуло выражение искреннего недоумения. – Что делать женщине в этом гиблом месте?

– Это не твоё дело, – прервал я разговор, – ты отправляешься завтра. Сегодня отдыхай и набирайся сил, завтра они тебе понадобятся. Все, без остатка...

Глава 3

Реджинальд

Я стоял возле кровати и молча смотрел на разложенные на ней чистые и даже новые рубашку, жилет и брюки. После нескольких месяцев, проведённых в камере без окон, я воспринимал выделенную мне комнатку практически как императорские покои. По ней, о счастье, можно было даже свободно ходить, а моя камера была ровно пять шагов в длину и четыре в ширину. И, главное, в комнате было окно, которое можно было распахнуть и полной грудью вдохнуть свежий летний воздух, напоённый ароматами, на которые я прежде никогда даже внимания не обращал.

Лишь оказавшись в каменном мешке, я понял, как мало ценил то, что меня окружало и казалось совершенно обыденным, не стоящим моего драгоценного внимания: солнце, траву, свежий ветер, синеву неба... Мне казалось, что самое страшное, что может со мной произойти – это смерть от случайной (или не случайной – это как повезёт) пули или удара шпагой. О нет! Теперь я знал, что может быть хуже смерти, гораздо хуже: это существование в тёмном замкнутом пространстве, куда не проникал ни единый луч солнца, а отверстие для поступления воздуха находилось под самым потолком и было вырублено так, чтобы через него не было видно ничего кроме малюсенького кусочка мрачной стены напротив.

Раз в день отодвигалась заслонка, расположенная в двери чуть над уровнем пола, и через неё просовывался поднос с более чем скромной тюремной едой. Нас кормили не для того, чтобы мы выживали, а для того, чтобы продлить агонию, в которую превратилось наше существование. Порой у меня мелькала мысль – перестать есть, чтобы ускорить приход неизбежного конца, но я почему-то продолжал держаться, загоня пораженческие идеи в самый дальний угол сознания. И, видимо, боги оценили моё упрямство, так как однажды в мою камеру вошли двое. Я решил, что император, да припомнят ему боги на страшном суде все его прегрешения, решил, что мои проступки всё же тянут на высшую меру, и приготовился к смерти.

Когда меня отвели в помещение, где стояла бочка с горячей водой и сунули в руки кусок мыла и мочалку, я почти уже не удивлялся: мало ли, может, у его императорского величества Максимилиана такая причуда – казнить только мытых преступников. Появление циркульника тоже более или менее вписывалось в выстроенную мной схему, поэтому я спокойно подставил голову умелым рукам. Но когда меня отвели не на плаху, а в комнату, где меня ждали двое, я понял, что недооценил коварство и мстительность императора.

Одного из них я узнал сразу: это был комендант тюрьмы, человек, искренне верящий в то, что безгрешных людей не бывает, и что каждый рано или поздно окажется у него «в гостях»: это исключительно вопрос времени и степени везения. Человек он был при этом честный и, насколько это возможно при его паршивой должности, порядочный.

При взгляде на второго я почувствовал, как в сердце поднимается чёрная волна удушающего гнева: когда-то достаточно давно любимчик императора Каспер Даргеро, тогда ещё никакой не магистр, решил, что восторженная влюблённость юной дочери барона, в замке которого он случайно остановился по пути в столицу, – это прекрасный повод развлечься. Мимолётная интрижка, о которой столичный щёголь наверняка сразу забыл, имела предсказуемый последствия, в результате чего моя юная сестра, сосланная разгневанным отцом в дальний мона-

стырь, умерла родами. Её дочь так и осталась при обители, и я по возможности навещал её: она выросла прелестной малышкой, и скоро собиралась принять постриг.

Тем временем комендант наконец-то прояснил ситуацию: среди узников отобрали несколько человек, задачей которых будет проникнуть в заповедный и овейанный жуткими легендами Франгайский лес и добыть там какой-то артефакт. В случае удачи узнику гарантировалось императорское прощение, определённое денежное вознаграждение и возможность начать жизнь с начала.

Я даже не сразу понял, что комендант спрашивает, согласен ли я. Станный вопрос: разумеется, согласен. Комендант перевёл дух и с облегчением передал слово Касперу Даргеро.

Магистр скользнул по мне равнодушно-оценивающим взглядом и, разумеется, не узнал: с тех пор, как мы виделись, я изрядно переменялся, а месяцы, проведённые в тюрьме, сделали меня почти неузнаваемым. Я стиснул зубы и постарался успокоиться: мне бы только выбраться на свободу! Мсть – не рыба, не протухнет...

– Я магистр Каспер Даргеро, – холодно произнёс он, – назови себя.

Я представился и даже не удивился, когда магистр не отреагировал на моё имя: сколько их, по чьим судьбам он прошёлся, всех не упомнишь. Поняв, что мой секрет остался при мне, я даже смог произнести приличествующие случаю слова благодарности, хотя только боги знают, чего мне это стоило.

Стараясь держаться так, как это сделал бы на моём месте любой другой, не отягощённый мыслями о возмездии, я отвечал в меру смело, в меру почтительно, а сам уже лихорадочно просчитывал, как смогу распорядиться неожиданно свалившимся на меня подарком судьбы. Но когда магистр назвал артефакт – легендарное Око Тьмы – я мгновенно понял две простые вещи. Первая – это мой шанс, так как, став обладателем такой вещи, уже я смогу диктовать свои условия. И вторая – этот артефакт никогда не должен попасть в руки нашему императору, никогда!

Значит, моя первоочередная задача проста: выжить в первые несколько часов в Франгае, познакомиться и подружиться с загадочной хозяйкой странного охотничьего домика. И дальше действовать уже по обстоятельствам. Даже если эта дама страшна, как демон, и стара, как сам Франгай, я уверен, что смогу подобрать к ней ключик.

На следующий вечер я подошёл к порталной колонне вполне отдохнувший и полный решимости так или иначе, но добраться до великого артефакта и с его помощью если уж не восстановить вселенскую справедливость, то хотя бы отомстить одному конкретному мерзавцу. Я, конечно, и сам далёк от идеала, но чужие жизни не разрушал никогда и к женщинам относился пусть и эгоистично, но по-человечески. Их крови на моих руках нет.

Магистр обнаружился возле каких-то двух достаточно больших и даже на вид тяжёлых мешков. Он внимательно слушал невысокого толстого человечка, в котором без труда можно было признать трактирщика или лавочника: есть в этой породе людей что-то особенное, позволяющее сразу узнать торгаша. Не люблю я это племя, хотя и понимаю, что без них не обойтись.

– Магистр, – я вежливо поклонился, пряча взгляд, но вполне мог обойтись и без этих предосторожностей: Каспер Даргеро был выше того, чтобы обращать внимание на вчерашнего заключённого.

– Возьмёшь с собой и оставишь возле портала, – не сочтя нужным ответить на приветствие, проговорил он, – там есть, кому позаботиться об этом. От порталной колонны до охотничьего домика идёт тропа, дом будет сразу после поворота направо. Не заметить его невозможно.

– Что ещё мне нужно знать? – так же по-деловому поинтересовался я, впрочем, без особой надежды на какие-либо откровения. – Из того, что поможет мне добыть для вас Око?

– Не сходи с тропы, – немного помолчав, соизволил ответить магистр, – тогда у тебя появится шанс выжить... может быть.

– Как мне связываться с вами? – уточнил я, подумав, что вряд ли я стану следовать советам этого двуличного мага. – Если вдруг у меня будет срочная информация?

– Никак, – усмехнулся Каспер Даргеро, – я сам свяжусь с тобой и буду, честно говоря, очень удивлён, если ты справишься. Ненавижу таких, как ты – тех, кто готов рискнуть всем ради призрачной возможности схватить удачу за хвост. И, что самое обидное, вам иногда везёт.

Я хотел ответить, что тоже ненавижу... тех, кто походя ломает чужие жизни, но промолчал: не время пока, ох, не время... Вместо этого я покорно склонил голову и всем видом демонстрировал смирение. Магистр помолчал и скомандовал:

– Иди и помни: дойти до дома и убедить хозяев дать тебе приют. Потом с тобой свяжутся.

Я пожал плечами, с трудом поднял набитые чем-то мешки и шагнул в мерцающий провал портала.

Та сторона встретила меня достаточно холодным ветром и почти непроглядным туманом, но я стоял, зажмурившись, и полной грудью вдыхал пахнущий лесом и сыростью воздух – воздух свободы. И пусть даже мне суждено прожить здесь не слишком долго, но умру я, если что, не в каменном мешке, а посреди величественного леса, ставшего легендой. Я не обманывал магистра, когда говорил, что всю жизнь мечтал побывать в Франгайской чаще – и вот я здесь. Ради этого стоило рискнуть!

Движимый непонятным чувством, от которого колело в груди и щипало в глазах, я опустился на колени и положил ладони на покрытую еловыми иголками тропинку. Мне захотелось сказать этому месту, что я счастлив, что успел вдохнуть его хвойный аромат и увидеть огромные ели, видевшие, наверное, ещё рассвет этого мира. Откуда в моей бестолковой голове взялись такие поэтические мысли – не могу сказать, но они были совершенно искренними. Даже не думал, что такой прагматик до мозга костей, как я, способен на такую сахарную лирику... Ну и ладно, надеюсь, никто и никогда не узнает об этой моей минутной слабости.

В это мгновение мне показалось, что кто-то невероятно древний и мудрый взглянул на меня откуда-то сверху и одобрительно кивнул... не головой, нет... ммм... в общем, чем-то кивнул... Интересно, это тут в воздухе какие-нибудь испарения витают? Иначе откуда у меня такие мысли и ощущения? Тряхнув головой, я отодвинул под ближайшее огромное дерево оба мешка и, не выдержав, заглянул в них: ну не удержался. В мешке оказались продукты, преимущественно длительного хранения, но, покопавшись, я обнаружил и несколько кусков мяса, завернутых в материал, который альвы (а делали это только они) называли странным словом «фольга». Говорят, технология производства пришла к ним из какого-то мира за Гранью: я специально, если честно, никогда не интересовался.

Решив, что обитатели дома не обеднеют, я взял один из кусков и засунул в заплечный мешок. Завязав обратно мешки, я огляделся и снова поразился величию окружающей природы. Франгай напоминал мне океан... такая же непостижимая простым смертным мощь, такое же величие и такое же ощущение собственного ничтожества перед этой могучей и древней силой.

Шагнув на тропинку, я вспомнил слова магистра и огляделся: вдоль дорожки, кстати, очень неплохо утоптанной, плотной стеной стояли вековые ели, заслоняя своими тёмно-зелёными лапами всё окружающее пространство. Хмыкнув и мысленно послав магистра ко всем демонам, я осторожно раздвинул ветки, которые расступились крайне неохотно, и, стараясь не обращать внимания на иголки, радостно впивавшиеся в руки, шагнул в чащу.

Ствол ближайшей ели был таким здоровенным, что вряд ли его смогли бы обхватить даже несколько человек. Но ветви начинали расти достаточно низко, поэтому я, с трудом подпрыгнув из-за нехватки места, подтянулся и взобрался на первую толстую ветку. Выдохнул и почувствовал себя несколько увереннее – что бы я ни говорил, а внизу было страшновато. На этой тропинке я чувствовал себя совершенно беззащитным.

Стараясь не думать о том, что не только мне мог приглянуться этот замечательный и крепкий еловый ствол, я, где подтягиваясь на руках, где гусеницей переползая с ветки на ветку, упорно поднимался всё выше и выше.

Лишь однажды я наткнулся на какого-то зверька, который, зашипев и оскалив зубы, удрал куда-то вверх. Даже не знаю, кто из нас испугался больше: он или я. Склонен предполагать, что всё же я.

Постепенно туман редел, и мне начинала открываться невероятная панорама великого Франгайского леса. Оседлав всё ещё, несмотря на высоту, толстую ветку, я огляделся и, вдохнув, долго не мог выдохнуть. Потрясённо рассматривал я открывшееся мне море деревьев, цвет которого менялся от тёмно-зелёного, почти чёрного, до светлого, травянистого, с вкраплениями голубых лужиц выглядящих с высоты крохотными озёрами.

Совсем рядом с моим наблюдательным пунктом расположилась поляна, с высоты кажущаяся совсем небольшой, посреди которой стоял игрушечный домик. Значит, вот она – моя цель, тот самый охотничий домик, о котором говорил магистр. Остались мелочи – добраться до него, не попав на завтрак (если у нас был вечер, то здесь – утро) местным жителям.

Я совсем уж было собрался спускаться, как совсем рядом со мной, буквально прямо над моей головой, раздался резкий, бьющий по ушам крик. Замерев, почти не дыша и чувствуя, как рубашка прилипает к мгновенно покрывшейся холодным потом спине, я смотрел, как над соседней веткой зависло небольшое чёрное облачко. Оно медленно скользнуло чуть выше и застыло, как и обнаруженный им зверёк, издали напоминающий белку.

Сарисса, а это была именно она, плавно опустилась на зверька и окутала его собой, чтобы через полминуты подняться, не оставив от невезучего грызуна ничего. Повисев неподвижно и словно рассматривая меня, сарисса, точнее, её детёныш, судя по размерам, взмыла в воздух и, издав уже знакомый мне резкий вопль, растаяла в тумане.

Глядя ей вслед, я почувствовал вдруг колющую боль в груди и осознал, что последние пару минут просто не дышал, боясь привлечь к себе ненужное внимание. Медленно и осторожно выдохнув, я прислонился спиной к стволу ели и постарался выровнять дыхание: нет, всё же странные твари, живущие в этой чаще – это нечто! И одно дело – слышать о них или читать, и совершенно иное – увидеть, так сказать, наяву. Впечатление непередаваемое. А ведь это был относительно безопасный детёныш, насколько франгайская живность вообще может быть безопасной.

Интересно, почему сарисса меня не тронула? Вряд ли потому что была сыта и довольна жизнью – насколько я в курсе, этим существам в принципе не свойственно такое состояние, и жрать они хотят всегда. Тогда почему? Решила, что мне надо ещё немного отъесться после тюрьмы, а то слишком худой и жилистый? Тоже вряд ли... Я прикрыл глаза и мысленно потянулся к лесу, стараясь передать ему свою благодарность за сохранённую жизнь и искреннюю симпатию. Почему-то мне казалось важным это сделать. Но я чуть не сверзился с ветки вниз, когда на мои мысли я получил совершенно чёткий ответ.

Я внезапно ощутил, что не могу шевельнуть даже пальцем: какая-то сила спеленала меня невидимыми путами, лишив возможности двигаться. Она словно прикасалась ко мне невесомыми пальцами, безжалостно проникала в мозг, в сердце, в душу, равнодушно выворачивала наизнанку самые сокровенные мысли и чувства. И, когда я уже готов был начать молить о смерти, она отступила. Я тяжело сглотнул, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в окружившем меня тумане, но, разумеется, ничего не увидел: оставалось только сидеть на ветке и ждать развития событий.

– Ты понравился мне, человек, – прошепестел вдруг в голове низкий голос, и я, вздрогнув, принялся оглядываться, но кроме клубов тумана ничего не увидел, – ты умеешь быть благодарным...это хорошо... Ты порадовал меня... и я хочу тебя наградить...

– Я действительно... – начал было я, но голос перебил:

– Молчи, человек... Выбирай...

Не успел я спросить, что и из чего загадочный собеседник предлагает мне выбрать, как передо мной в тумане проявилась картинка, на которой я, только изрядно постаревший, сижу в окружении редких древних фолиантов, а на заднем плане в колбах что-то булькает и дымится. Губы крепко сжаты, взгляд устремлён в какие-то непостижимые дали вселенной... Я понимаю, что я-на-картинке счастлив, ибо нашёл свою цель – постижение тайн мироздания.

Картинка растаяла, почти сразу сменившись другой: я снова увидел самого себя, стоящего посреди огромной сокровищницы. Вокруг меня сундуки с драгоценностями, золотые монеты горами навалены просто на полу, шкатулки с артефактами чуть не падают с переполненных стеллажей. Я смотрю на свои руки и понимаю, что даже одно кольцо из тех, что украшают мои пальцы, стоит примерно как три полностью оснащённых корабля. Я-на-картинке тоже счастлив, ибо все богатства мира к моим услугам: я могу купить абсолютно всё.

Не успел я согласиться, как туман снова стал уплотняться, но никакой комнаты или сокровищницы я не увидел: только дорога, ведущая из ниоткуда в никуда. И по этой дороге навстречу мне движется высокая мощная фигура, в которой я с изумлением узнаю себя, но... я ли это? Мою голову венчает корона, словно сплетённая из листьев, выкованных из старого, слегка потемневшего серебра и золота. Она тяжела и громоздка, но как же великолепна! Лицо моё словно вырезано из дуба – оно холодно и бесстрастно, лишь в глазах пылает огонь. От меня-на-картинке веет запредельной мощью, мрачной, ледяной, грозной. Моим мыслям подчиняются ветры и деревья, звери и птицы, туманы и дожди. Власть... почти неограниченная, абсолютная, вечная...

– Что ты выберешь, человек? – снова прошепел голос, и я замер, не в силах осмыслить то, что только что произошло.

– Ты предлагаешь мне выбрать между знаниями, богатством и властью? – я надеялся, что мой голос дрожит не слишком явно. – Но почему? Почему ты предлагаешь мне всё это?

– Ты понравился мне, ты умён, любишь риск, умеешь слышать и видеть, – слова в голове сплетались в предложения сами, но это было ужасно неприятно – понимать, что кто-то хозяйничает в твоей голове, как на собственной кухне, – так каков будет твой выбор?

Я задумался, перебирая картинки и с ужасом понимая, что мои мысли всё время возвращаются к видению меня с короной в волосах. С одной стороны, имея деньги и знания, можно тоже обладать властью, но она будет меньше, значительно меньше. А власть – о да! Тогда я наверняка смогу отомстить магистру Даргеро и, может быть, даже самому императору, без раздумий бросившему меня умирать в камере.

Устав бороться сам с собой, я тряхнул головой и решительно сказал:

– Я выбираю власть. Но ты же не подаришь мне её просто так: у всего в этом мире есть цена. Какова твоя?

– Не бойся, – прошепел голос, и я услышал в нём нескрываемое злое торжество, – я помогу тебе. И не спрошу больше, чем ты сможешь мне дать. А сейчас иди... тебя никто не тронет... Но будь осторожен...

Я почувствовал, что снова могу шевелиться, и, даже не пытаясь анализировать всё, что только что со мной произошло, начал спускаться. Как только под моими ногами оказалась твёрдая земля, я без сил опустился на траву.

Над головой пронёсся резкий порыв ледяного ветра, закрутивший туманные столбы в хаотичном танце, а над лесом пронёсся шёпот:

– Пришло время новых богов...

Я застыл, вслушиваясь в эхо прозвучавших слов, растаявших в тумане, словно отголосок очень далёкой грозы. От них на километр веяло тайнами, опасными и даже, пожалуй, смертельными. И тихой пугливой мышкой пробежала мысль: что же я наделал? В игры каких сил я имел наглость влезть? На что я, безумец, согласился?

И одновременно видение, мягко вытесняющее страх: корона из золотых и серебряных листьев, ощущение безграничного могущества, понимание того, что вокруг нет никого, равного мне по силе и мощи. Отказаться от этого... чтобы всю дальнейшую жизнь, скучную и пресную, ежедневно, ежеминутно жалеть об упущенной возможности?! Нет, я этого не сделаю... Даже если цена очень велика: но не я ли должен был через пару месяцев сгнить в тюремной камере? Так о чём мне жалеть?

Мучимый противоречивыми чувствами, я поднялся на ноги и выбрался на тропинку, которая должна привести меня в охотничий домик к загадочной хозяйке, о которой говорил магистр. Может быть, она колдунья или ведьма, и ей по силам будет объяснить – что же произошло со мной?

Хвоя, тёмно-зелёным ковром засыпавшая тропинку, тихо шуршала под ногами, а по сторонам стеной стояли великаны-ели. Я отчётливо помнил, что полянка с домом находилась недалеко, минутах в десяти-пятнадцати спокойной ходьбы от того дерева, на котором состоялась знаменательная для меня встреча. Но я уже с полчаса мерил тропинку шагами, а ни малейшего намёка на просвет среди елей не видел, хотя магистр говорил, что пройти мимо невозможно.

Я споткнулся о корень, коварно выползший на тропинку, и чуть не растянулся во весь рост, ухватившись за подвернувшуюся под руку ветку. Иголки впились в ладонь, но я почти не обратил на это внимание, так как заметил нечто, напоминающее лаз. Высота прохода была рассчитана или на невысокого человека, или на того, кто абсолютно точно знает, где искать, так как, выпрямившись, я не увидел даже намёка на то, что здесь что-то есть.

Пожав плечами, я хотел уже двинуться дальше, но почувствовал, как под ногами внезапно мягко вздрогнула земля. И ещё раз, и ещё... словно кто-то, чьи размеры представить у меня воображения не хватит, медленно шёл по тропинке. Бумм... бумм... бумм... Почувствовав, как от всепоглощающего первобытного ужаса шевелятся волосы, я заметался по дорожке, не понимая, что делать и куда бежать. То, что этот монстр нагонит меня в два шага в самом прямом смысле этого слова, было совершенно понятно. Боги! Если бы я был меньше... Стоп! Меньше... лаз... Это единственный вариант...

Я белкой метнулся к тому месту, где совершенно случайно обнаружил лаз, и, согнувшись почти вдвое, скользнул под укрытие плотных еловых веток. Они пропустили меня и плавно опустились за моей спиной, скрывая проход даже от самого внимательного наблюдателя. Боясь лишний раз пошевелиться и стараясь дышать как можно тише, я лежал на земле в своём чудом замеченном убежище и прислушивался к мерным шагам, от которых вздрагивала земля. Вот они поравнялись с моим укрытием, вот миновали его, вот они уже тише, вот уже почти не слышны.

Я выдохнул и вытер ставшие потными руки о рубашку. Затем повернулся и попробовал выбраться обратно на тропинку и всё же найти этот злосчастный дом. Отодвинув любезно пропустившие меня несколько минут назад ветки, я замер, просто-напросто не поверив своим глазам. За ними виднелось плотное переплетение ветвей, сучьев и каких-то лиан, пробраться сквозь которое не стоило даже пытаться.

Такое же безобразие творилось со всех сторон: куда бы я ни пробовал заглянуть – везде наткнулся на непреодолимую зелёную преграду. Свободным оставался только узкий проход куда-то в глубь зарослей. «Не сходи с тропы» – некстати вспомнил я совет магистра и поморщился. Не исключено, что – в виде исключения! – этот двуличный мерзавец был прав.

Поняв, что меня достаточно вежливо, но непреклонно заставляют идти по единственному доступному пути, я вздохнул и, согнувшись, двинулся вперёд. Зелёный коридор несколько раз повернул, и я, поначалу пытавшийся выстроить в голове подобие маршрутного листа, махнул рукой и решил положиться на непредсказуемую в последнее время судьбу.

Коридор закончился внезапно: я буквально носом уткнулся в старую деревянную дверь с мощным кованым засовом. Сказать, что мне было не по себе – это ничего не сказать. Мне было банально страшно, и я совершенно не стеснялся признаться в этом. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль: а может, стоило остаться в камере? Там всё понятно, знакомо и однозначно: ни тебе монстров, ни таинственных соблазнительных видений, ни странных дверей.

Загнав малодушные мысли поглубже, я толкнул дверь, и она с определённым трудом, но открылась. Я вошёл, подсознательно ожидая какого-нибудь «сюрприза», но за дверью оказалось самое обычное помещение, залитое странным зеленоватым светом. Покрутив головой, я понял, что свет проникает через круглое отверстие где-то наверху. Это неприятно напомнило мне камеру, разве что сквозь это окошко видны были ветки и кусочек неба, а не фрагмент каменной стены. Не попал ли я из одной тюрьмы в другую?

Я обошёл достаточно просторную комнату, обставленную добротной деревянной мебелью, заглянул в углы, приоткрыл небольшие дверцы, обнаружившиеся в углу. За одной были так называемые удобства, причём на вполне цивилизованном уровне, а за второй – небольшая лаборатория. Последняя меня не заинтересовала от слова совсем, так как я в жизни ни одного зелья не сварил, а в академии, два курса которой я умудрился когда-то закончить, алхимия была моим самым нелюбимым предметом.

Пожав плечами, я повернулся, чтобы выйти и попробовать пробиться куда-нибудь сквозь заросли, но молча опустил на крепкую деревянную лавку: двери, через которую я вошёл, не было.

Дом ждал. Он чувствовал, как где-то в непроницаемой ни для чего сердцевине Франгая появилось нечто, чему пока нет названия. Словно маленький жёлудь, зародившийся на ветке мощного дуба, плод, которому ещё предстоит набраться сил, созреть, упасть и, пролежав в земле положенный срок, пробиться на свет маленьким робким ростком. Пройдут десятилетия, прежде чем жёлудь превратится в сильное дерево, которое вытеснит из-под солнца того, кто дал ему жизнь. Или погибнет, так и не победив старого великана.

Дом ждал. Он чувствовал, что его спокойному, но безмерно скучному существованию окончательно приходит конец – и дом был счастлив. Что за восхитительные времена настали: вернулась она, его обожаемая Хозяйка, смысл и свет его жизни. Но помимо неё появился Враг – ибо никем иным тот, кто рождается сейчас под покровом густых еловых ветвей, быть не может. Он захочет власти над Франгаем – значит, будет война, будет много интриг, лжи, предательства и крови. Что может быть лучше?

Дом ждал. Он научился терпению и осторожности за те столетия, пока ему не для кого было бороться за место под ленивым и сытым солнцем и равнодушной луной. Быть может, появившись Враг несколько лет назад, дом без сожаления уступил бы ему, ибо жизнь без неё была пуста и бессмысленна. Но теперь... он не уступит ни пяди, так как это его лес. Он обещал себе, что подарит Хозяйке весь Франгай, и он сдержит слово, чего бы это ему ни стоило.

Дом ждал. Он понимал, чувствовал, ощущал каждой частичкой, что с каждым днём становится сильнее. Всё меньше сил уходило на поддержание иллюзии, так как старые раны зарастали, уродливые шрамы сглаживались. Нужно только не показывать виду, что он заметил рождение Врага: пусть наберётся сил. В победе над ребёнком нет доблести, схватка с заведомо более слабым противником не делает чести победителю. Ей, его любимой Лиз, не должно быть стыдно за него. Поэтому... готов был наблюдать. Дом ждал.

Глава 4

Лиз

Я долго смотрела вслед растаявшим в ночном мраке сфаргирам, думая о том, что нужно как-то восполнять пробелы в образовании. Мне не нравится плутать в информационной тем-

ноте, если можно так выразиться. Интересно, а кроме кристаллов, которые пишут сфаргиры, есть какие-то альтернативные источники информации? Книги, например... или какой-то аналог фильмов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.